

Решив сопровождать императрицу на пути ко дворцу, Лун Сяююань покинул карету и последовал за возлюбленным в лагерь. При немалой численности солдат тот оказался на редкость организован, хоть и не у каждого была палатка, люди развели костры и нашли место для отдыха.

На самом деле палатки в лагере стояло всего три: одна принадлежала Ши Цинчжоу, две других отданы под нужды чуть менее значимых, нежели императрица военных.

Лун Сяююань прошел во временное пристанище супруга так, чтобы его никто не заметил. Раньше он никогда не видел походных шатров, поэтому хорошо осмотрелся, отметил спартанские условия и обернулся к Цинчжоу:

— Ты жил вот так все эти дни?

Императрица кивнула.

Монарх прошел к кушетке и присел:

— Она такая твердая, тебе было удобно?

Генерал не мог не улыбнуться:

— Все в порядке, к этому быстро привыкаешь.

— Привыкаешь, значит... — расстроился Лун Сяююань. — Цинчжоу, за все эти ты, должно быть, привык быть здесь...

Ши Цинчжоу с полминуты смотрел на правителя, прежде чем показать скромную, меланхоличную улыбку:

— Жизнь во дворце и жизнь вне его стен всегда отличается.

— Верно, — вздохнул Сяююань. Поднявшись с кушетки, он быстро подошел к тому, по кому так тосковала его душа. — У меня сердце разрывается...

Императрица промолчала.

Мучительно долгая тишина повисла меж ними, прежде чем Сяююань отважился крепко обнять любовь всей своей жизни. И с колким ощущением в душе заметил, что его не обняли в ответ. Ши Цинчжоу, словно столкнувшись с чем-то неприятным, напрягся. Его «ответ» отяготил и без того мрачное чувство тревоги.

Ши Цинчжоу так ничего и не сказал, поэтому Сяюань взял на себя смелость нарушить тишину:

— Идем спать.

— Угу.

Сняв верхнюю одежду, мужчины кое-как уместились на кушетке. Соскучившись по императрице, монарх крепко ту обнял, зарываясь носом в изгиб чужой шеи. Сердце ждало чуда, но мышцы Цинчжоу снова напряглись. Если бы не дыхание и теплота, правитель мог принять супруга за деревянную статую.

— Прости, — касаясь губами солоноватой кожи, прохрипел Сяюань. — Я должен был не бросать руки и связаться с тобой раньше.

— Ваше Величество слишком сильно беспокоится, — поджимая губы, тихо, на выдохе, пробормотал воин.

— Ты вновь зовешь меня «Вашим Величеством» и хочешь сказать, что не сердишься? Хочешь сказать, не обижен? Я обнимаю тебя, но тебе это словно неприятно, ты ведь и сам чувствуешь, как напрягается твое тело. Ты не смотришь мне в глаза... Это твой способ на меня не сердиться?

Ши Цинчжоу ответ взгляд, так ничего и не сказав.

— Жаль... — тяжело вздохнул император. — Цинчжоу, скажи, что ты на самом деле думаешь?

От эмоциональных откровений Цинчжоу потерял дар речи. Но Лун Сяюань не сдался: он крепче обнял возлюбленного, вжимая того в собственное тело:

— Цинчжоу... ты ведь мне не веришь?

Во взгляде императрицы промелькнул суровый огонек, но так он не смотрел на супруга, эмоция ускользнула от внимания монарха. Сын прославленного генерала задумался. А верит ли он Лун Сяюаню? Нет, не верит. Будь все иначе, Цинчжоу бы сам себя не узнал. Все эти дни, что он провел на границе сражаясь, все эти дни, что проходили в вечном унынии, злости, досаде от невозможности хоть как-то повлиять на ситуацию оставили отпечаток, въелись в кости. Недоразумение?! Это предательство! Такое не изменить по щелчку пальцев!

Не зная, как ответить, императрица вновь не раскрыла рта. И Лун Сяюань смирился. Решил, что настаивать на ответе сейчас как минимум глупо.

— Забудь, на дворе ночь, ты верно устал. Поговорим обо всем позже, когда вернемся во дворец. А сейчас давай спать.

Воин кивнул и закрыл глаза. В то время как Лун Сяююань еще долго смотрел в темноту, понимая, что совершил и продолжает совершать ошибки. Но мучить себя не в характере императора. Вдохнув аромат любимого, мужчина закрыл глаза и провалился в сон.

В ту ночь оба спали плохо. Цинчжоу, как принято в армии, проснулся на рассвете. Супруг рядом с ним все еще не открыл глаза. Оно и не удивительно. Лун Сяююань так спешил к возлюбленному, что позабыл об отдыхе. Эмоциональный «монолог», как и тяжелые думы, не прибавили ему сил. Император заснул лишь за час до рассвета. Измученному организму не так просто набраться сил.

Даже когда Ши Цинчжоу вывернулся из крепких объятий, император не открыл глаза. В тишине императрица поднялась с кушетки, привела себя в порядок и вышла к солдатам. Несмотря на немалую численность отряда, утренняя трапеза проходила в относительной тишине. В большинстве своем люди успели покончить с не блистающим изысками, плотным завтраком. Пора отправляться в путь, но Лун Сяююань еще не открыл глаза.

Проследив за порядком, Цинчжоу вернулся в шатер и нахмурился. Прошел к кушетке и долго смотрел на супруга. Под глазами у того залегли темные круги, да и в целом вид оставлял желать лучшего. Генеральский сын склонился на монархом, но так и не сделав задуманного, развернулся и вышел. Тут же встретившись с подросевшим адъютантом, который поинтересовался о времени сбора палатки. Ведь остальные тенты давно собрали и упаковали в дорогу. Остался лишь шатер императрицы и отряд готов двинуться в путь.

— У нас полчаса до отъезда, — равнодушно заявил воин, чем немало удивил помощника. Зачем им тратить еще целых полчаса? Благо адъютант оказался не глупцом и не задал вопрос вслух. А Ши Цинчжоу решил, что не должен отвечать на немое восклицание, вновь пройдя в палатку. Там он аккуратно присел на край кровати и призвал на помощь терпение.

Все полчаса императрица металась меж желанием дать супругу поспать и разбудить. Хорошо, что когда отведенные полчаса подходили к концу, монарх сам открыл глаза.

И увидев сидящего рядом возлюбленного тут же растянул губы в улыбке. Такой естественной и приятной, что Цинчжоу на мгновение замер. Пораженный, он наблюдал, как император приподнимается на локтях и смотрит на него все с той же нежностью.

— Доброе утро, Цинчжоу.

Словно укушенный, парень поднялся:

— Ваше Величество проснулись... отряд собирается в путь...

— Что? Уже так поздно? — удивленный, монарх подскочил с кушетки и впопыхах начал натягивать верхние одежды. Лишь краем глаза заметив, что Цинчжоу отдает приказ принести в палатку завтрак. Скучное кушанье отправилось в желудок императора за два укуса.

— Вашему Величеству нет нужды так спешить. В небольшом опоздании нет ничего страшного,
— заверил мужчину Цинчжоу.

— Как это нет ничего страшного? — покачал головой монарх. — Мы ведь уже задержались!

Решив вопрос с завтраком, перед выходом Лун Сяюань надел маску из человеческой кожи, что всегда на всякий случай брал с собой, выходя за пределы дворца. Многочисленные солдаты не заметили покидающего палатку императрицы постороннего, так как стояли к шатру спиной. Зато снующий возле нее адъютант оказался лицом к лицу с незнакомцем. И сразу же опешил. Для невхожего во дворец военного, император, появившись он хоть без маскировки, остался неизвестным. Который, что очень важно, почему-то вышел из укрытия с их грозной императрицей!

Произошедшее вышло за пределы понимания адъютанта. Кто мог спать в одной палатке с их генералом? Нет, если бы Ши Цинчжоу был просто высокопоставленным военным, люди не обратили бы внимания на его мимолетные связи. Но Ши Цинчжоу связанная узами брака с самим правителем императрица!

Адъютант понял, что стал свидетелем очень важной сцены, о которой ни в коем случае не должен никому рассказывать. Как человек приближенный к сильным мира сего, он прекрасно разбирается в том, что непременно нужно доложить и в том, о чем лучше забыть. Случай относился к последнему, посему мужчина склонил голову, сделав вид, что ничего не заметил.

Отряд выдвинулся в путь. Лун Сяюань получил лошадь и последовал за возлюбленным. Точнее, плелся за ним, не позволяя себе поравняться с генеральским сыном. Жаль, но он не мог вернуться в карете. Появление повозки могло вызвать множество ненужных вопросов. К счастью, обеспокоенный его присутствием супруг не гнал солдат, позволяя неумелому всаднику немного расслабиться. Но даже так Сяюань едва держался в седле. Мышцы несчастного болели, а ягодицы отбило в первые два часа похода.

В обеденный привал Его Величество ощутил все прелести верховой езды и едва слез с лошади. Ши Цинчжоу пришел его проведать во время обеда.

— Ешьте досыта, иначе у вас не хватит сил добраться до дворца, — скупое наставляла императрица.

— Угу, — Сяюань понял, что его паршивый вид привлек внимание и немного расстроился. Но в то же время обрадовался участию возлюбленного, смущенно прошептал. — Похоже, я добавил тебе проблем.

Нет, определенно точно добавил! Но не заметил укоризненного взгляда. Ши Цинчжоу качнул головой и покинул супруга, заставив того тяжело вздохнуть. Отчаянный и красивый побег из дворца ни капли не растопил сердце возлюбленного. Кажется, Лун Сяюань просчитался и конфликт не получится разрешить просто. Монарх надеялся поладить с генеральским сыном до приезда во дворец, но план с треском провалился, оставив след печали.

Сяюань не сумел продемонстрировать былой прыти. Нынешний поход отличался от того, в котором он побывал ранее. Одно дело выйти за пределы дворца, дабы успокоить бандитов, другое попасть в закаленную боем армию. Суровые лица вояк не располагали к романтике. Хорошо, что Цинчжоу не отправил императора сразу же, а позволил идти за ним.

Монарх благодарен и за то, что ему предоставили лошадь! Ведь большинство солдат преодолевали нескромное расстояние на своих двоих!

Лишь поздним вечером отряд сумел достичь границы столицы и отправил гонца во дворец. По правилам солдаты даже во главе с императрицей не могли переступить ворота города без дозволения императора. Пока гонец не принесет подписанную грамоту, утомленные походом воины должны держать строй и ждать на месте.

Благо гонец не задержался. А все потому что перед отъездом Лун Сяюань отдал соответствующее распоряжение Сунь Юцзину, а также не забыл предупредить правого и левого чэнсянов. Сотня чиновников вышла на стену, дабы поприветствовать вернувшихся. Что в должной мере показывало народу, как император ценит своего воинственного мужа.

После формальных приветствий, а также парочки распоряжений Ши Цинчжоу ступил за стены дворца. Сопровождаемые отрядом послы Северного королевства попали под юрисдикцию людей из Министерства обрядов и были поселены в одном из самых приличных постоянных дворов. Там они должны ожидать разрешения прийти на утреннее заседание. Никто в здравом уме не собирался пускать врага на территорию запретного города.

Ши Цинчжоу сразу же отправился в отведенный ему дворец. На этот раз Сяюань не мог его сопровождать. Теневые стражи встретили Его Величество еще за пределами столицы и тайно сопроводили во дворец. Зато монарх мог встретить возлюбленного в пределах резиденции, потому что сразу же направился туда. Не желая, чтобы кто-то помешал их воссоединению, император отправил многочисленных служанок и евнухов прочь.

Когда императрица вошла во дворец, то во внутреннем зале увидела лишь счастливо улыбающегося супруга. Права Лун Сяюань еще не успел переодеться, и одежда оказалось не столь торжественной, как хотелось бы.

Правитель с замирающим сердцем наблюдал за мерно приближающимся генеральским сыном, после чего сделал шаг навстречу и крепко обнял.

Ши Цинчжоу опустил взгляд. Он все еще чувствовал странность собственного тела, в руках монарха то не могло, как прежде, расслабиться. Но кое-какие улучшения все же были, теперь императрица не походила на жесткий ствол дерева.

Лун Сяюань прижал возлюбленного к груди и, склонившись, прошептал на ухо:

— С возвращением, Цинчжоу.

Молодой человек прикрыл глаза и обнял императора в ответ. Замерев, каждый думая о своем, они держались друг за друга долгие минуты, прежде чем император отступил.

— Цинчжоу, ты, должно быть, проголодался. Я велю подать ужин.

— Хорошо.

Генеральский сын отправился во внутренние покои, чтобы принять ванну и переодеться, а Лун Сяюань нашел слуг и дал все необходимые распоряжения.

Вернувшись домой, Ши Цинчжоу не отбросил привычку делать все быстро и через пятнадцать минут, закончив приводить себя в порядок, прошел в столовую. Слуги сработали не медленнее господина, и резной стол полнился роскошными блюдами, а Лун Сяюань присел на стул, дожидаясь второго участника нескромной трапезы.

Услышав несмелые шаги, монарх обернулся:

— Ваша Светлости успели принять ванну? — с легкой улыбкой поинтересовался император.

Генеральский сын кивнул.

— Тогда не стой в дверях, проходи, садись, ты ведь проголодался?

Словно послушная марионетка, императрица прошла к столу и присела. Лун Сяюань, взяв на себя роль заботливого мужа, поспешил напомнить пиалу возлюбленного супом:

— Я велел приготовить бульон из утки. Он хорошо восстанавливает силы. Посмотри на себя! Ты так похудел!

Ши Цинчжоу отвел взгляд.

<http://bllate.org/book/14215/1253510>